

ПАМЯТЬ Касым Тлаукенов

А 2013
39306к

о времени,
событиях,
людях

Касым ТАУКЕНОВ

ПАМЯТЬ...

о времени, событиях, людях

(Воспоминания-эссе)

Издание второе, дополненное

Издательство “Арай”
Астана — 2004

ББК 63.3

Таукенов К.

Память... о времени, событиях, людях. *Воспоминания-эссе.*

- Астана: Арай, 2004. — 368 стр. + 16 л. вклейка.

ISBN 9965-571-15-5

*Перевод с казахского
Нур. Ахмета и
Госмана Толегулулы.*

ISBN 9965-571-15-5

© Касым Таукенов, 2004

© “Арай”, 2004

*Этот труд посвящаю
светлой памяти матери
Жылтыр(Калимы) Майкобенкызы
и бабушки Балганым.*

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

В эти дни мне исполняется семьдесят лет. Наступил тот возраст, который когда-то, очень давно, казался далеким, призрачным, недостижимым рубежом. Но о том, что безвозвратно ушло лето моей жизни, и на смену ему наступила суровая осень, скажу без тени сожаления. Сейчас я на пенсии, рядом подрастают внуки и внучки. Годы, конечно, диктуют свое, но все же думы, мысли по-прежнему не дают покоя душе, унося иногда в далекое прошлое. Часто, особенно по ночам, вспоминаю бывших своих товарищей, друзей по работе, в памяти всплывает многое, связанное с ними, их добрые поступки, иногда даже отдельные проступки, причинявшие мне душевную боль. У меня даже возникала мысль назвать свой мемуарный труд "Воспоминания в бессонные ночи". Оно на самом деле так.

В своей жизни достаточно повидал и хорошее, и плохое, но благодарен судьбе и за то, и за другое. Поверьте, обо всем пережитом старался изложить честно и откровенно.

В свободные от повседневных дел и забот достаю из личного архива все то, что было написано мною за последние годы. Перелистывая пожелтевшие страницы, сам того не замечая, ухожу в мыслях в пору далекого детства, совпавшего с военным лихолетьем. В то время мы, в отличие от нынешних наших детей, никогда даже в глаза не видели сладости, не говоря о возможности разбираться в их разнообразии. Бедность и нужда сопровождали годы взросления моего поколения.

Середина пятидесятых годов в моей жизни полностью была занята учебой в институте. Вся последующая жизнь прошла в работе на родной Акмолинской земле. То было время возрождения казахской степи после жестоких потрясений 30-х годов, сопровождавшихся голодом, массовыми репрессиями, а затем - тяжелейшим бременем военного положения. Выходит, мне также довелось познать немало суровых испытаний, выпавших в разные годы на долю нашего народа... Словом, в некростое время происходило мое возмужание, прежде чем подняться в ряды тех, кого в народе именуют гражданином, деятелем. Позже все это легло в основу моих воспоминаний. Без всяких "добавок" и прикрас старался рассказать обо всем, что довелось увидеть, пережить самому. Не скрою, меня иногда одолевают сомнения: кому и зачем нужны мои воспоминания? Будут ли интересны сегодня молодежи мои невзгоды, переживания, удачи и неудачи в жизни? Не знаю...

Своей откровенностью, чувствую, переворошил немало занят-

ных историй. Да, на крутых изломах, подъемах и спусках жизненного пути, бывало, и спотыкался, и набивал себе немало шишек. Сознаю и то, что не всем моим сверстникам пришлось по душе моя "излишняя", на их взгляд, откровенность.

Как бы то ни было, никого не пытался провоцировать. Я всегда стремился жить и живу по правилам чести и совести. Свято верил и верю в высшую Истину. Известно, что человек, исповедующий только правду, не всегда пользуется благосклонностью у других.

После публикации отдельных отрывков моих воспоминаний в журнале "Сарыарка", а позже - издания отдельной книгой, нашлись "товарищи", которые, сильно раздражаясь, пытались убедить меня в том, что такая "излишняя" откровенность была ни к чему, можно было кое-что и "опустить".

Кое-кому даже хотелось рассорить меня с друзьями.

Повторюсь еще раз: кто бы что не говорил, истина для меня дороже всего. Да, приходилось мне высказывать не всегда лестные отзывы о ком-то, но делал это не из-за угла, а при всех открыто в глаза. Слова-назидания Пророка: "Пусть никого не пугает и не смущает высокое положение людей, говорите только правду" для меня много значат. С того времени, когда вступил в самостоятельный жизненный путь, Истина всегда была моей доброй спутницей. Ради нее жил, работал, боролся. И труд мой получал соответствующую оценку: имею ордена, трижды избирался депутатом Верховного Совета республики, членом Центрального Комитета партии, в течение 17 лет являлся депутатом областного Совета народных депутатов.

В жизни не раз испытывал и неприязнь к собственной персоне...

Приходилось многое пережить.

И теперь, оставив за плечами семь десятков лет жизни, разве смогу я вдруг измениться, стать другим?!

Понимаю, как нелегко отмежеваться от постулатов идеологии прошлого и понять суть происходящего в стране сегодня. Людей с таким мировоззрением немало. Их за это нельзя винить. Поэтому у меня нет никакого "коварного" умысла уличить кого-то в каких-то "греховных поступках". Другое дело, когда в трудные для судьбы своего народа моменты в условиях тоталитаризма, иные, в общем-то, уважаемые люди, названные в моих воспоминаниях, оказывались не на высоте. Об этом, естественно, умолчать я не мог и отметил в книге при их жизни. А там пусть читатель судит сам...

Словом, после долгих раздумий, решил заново переосмыслить все пережитое, тщательно пропустив через сито времени и памяти свои наблюдения, оценки тех или иных событий, и без ретуши, без прикрас преподнести читателю.

Если кому-то покажется, что я в чем-то допустил "перехлест", не обессудьте, а если кто-то найдет, что в чем-то не "дотянул", не взыщите. Говорю это от чистого сердца.

Ваш Касым Таукенов.

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

В эти дни мне исполняется семьдесят лет. Наступил тот возраст, который когда-то, очень давно, казался далеким, призрачным, недостижимым рубежом. Но о том, что безвозвратно ушло лето моей жизни, и на смену ему наступила суровая осень, скажу без тени сожаления. Сейчас я на пенсии, рядом подрастают внуки и внучки. Годы, конечно, диктуют свое, но все же думы, мысли по-прежнему не дают покоя душе, упося иногда в далекое прошлое. Часто, особенно по ночам, вспоминаю бывших своих товарищей, друзей по работе, в памяти всплывает многое, связанное с ними, их добрые поступки, иногда даже отдельные проступки, причинявшие мне душевную боль. У меня даже возникала мысль назвать свой мемуарный труд "Воспоминания в бессонные ночи". Оно на самом деле так.

В своей жизни достаточно повидал и хорошее, и плохое, но благодарен судьбе и за то, и за другое. Поверьте, обо всем пережитом старался изложить честно и откровенно.

В свободные от повседневных дел и забот достаю из личного архива все то, что было написано мною за последние годы. Перелистывая пожелтевшие страницы, сам того не замечая, ухожу в мыслях в пору далекого детства, совпавшего с военным лихолетьем. В то время мы, в отличие от нынешних наших детей, никогда даже в глаза не видели сладости, не говоря о возможности разбираться в их разнообразии. Бедность и нужда сопровождали годы взросления моего поколения.

Середина пятидесятых годов в моей жизни полностью была занята учебой в институте. Вся последующая жизнь прошла в работе на родной Акмолинской земле. То было время возрождения казахской степи после жестоких потрясений 30-х годов, сопровождавшихся голодом, массовыми репрессиями, а затем - тяжелейшим бременем военного положения. Выходит, мне также довелось познать немало суровых испытаний, выпавших в разные годы на долю нашего народа... Словом, в непростое время происходило мое возмужание, прежде чем подняться в ряды тех, кого в народе именуют гражданином, деятелем. Позже все это легло в основу моих воспоминаний. Без всяких "добавок" и прикрас старался рассказать обо всем, что довелось увидеть, пережить самому. Не скрою, меня иногда одолевают сомнения: кому и зачем нужны мои воспоминания? Будут ли интересны сегодня молодежи мои невзгоды, переживания, удачи и неудачи в жизни? Не знаю...

Своей откровенностью, чувствую, переворочил немало занят-

ных историй. Да, на крутых изломах, подъемах и спусках жизненного пути, бывало, и спотыкался, и набивал себе немало шишек. Сознаю и то, что не всем моим сверстникам пришлось по душе моя "излишняя", на их взгляд, откровенность.

Как бы то ни было, никого не пытался провоцировать. Я всегда стремился жить и живу по правилам чести и совести. Свято верил и верю в высшую Истину. Известно, что человек, исповедующий только правду, не всегда пользуется благосклонностью у других.

После публикации отдельных отрывков моих воспоминаний в журнале "Сарыарка", а позже - издания отдельной книгой, нашлись "товарищи", которые, сильно раздражаясь, пытались убедить меня в том, что такая "излишняя" откровенность была ни к чему, можно было кое-что и "опустить".

Кое-кому даже хотелось рассорить меня с друзьями.

Повторюсь еще раз: кто бы что не говорил, истина для меня дороже всего. Да, приходилось мне высказывать не всегда лестные отзывы о ком-то, но делал это не из-за угла, а при всех открыто в глаза. Слова-назидания Пророка: "Пусть никого не пугает и не смущает высокое положение людей, говорите только правду" для меня много значат. С того времени, когда вступил в самостоятельный жизненный путь, Истина всегда была моей доброй спутницей. Работил, трудился, боролся. И труд мой получал соответствующую оценку: имею ордена, трижды избирался депутатом Верховного Совета республики, членом Центрального Комитета партии, в течение 17 лет являлся депутатом областного Совета народных депутатов.

В жизни не раз испытывал и неприязнь к собственной персоне...

Приходилось многое пережить.

И теперь, оставив за плечами семь десятков лет жизни, разве смогу я вдруг измениться, стать другим?!

Понимаю, как нелегко отмежеваться от постулатов идеологии прошлого и понять суть происходящего в стране сегодня. Людей с таким мировоззрением немало. Их за это нельзя винить. Поэтому у меня нет никакого "коварного" умысла уличить кого-то в каких-то "греховных поступках". Другое дело, когда в трудные для судьбы своего народа моменты в условиях тоталитаризма, иные, в общем-то, уважаемые люди, названные в моих воспоминаниях, оказывались не на высоте. Об этом, естественно, умолчать я не мог и omitted в книге при их жизни. А там пусть читатель судит сам...

Словом, после долгих раздумий, решил заново переосмыслить все пережитое, тщательно пропустив через сито времени и памяти свои наблюдения, оценки тех или иных событий, и без ретуши, без прикрас преподнести читателю.

Если кому-то покажется, что я в чем-то допустил "перехлест", не обессудьте, а если кто-то найдет, что в чем-то не "дотянул", не взыщите. Говорю это от чистого сердца.

Ваш Касым Таукенов.

*Не вспомнив прошлое —
не уяснишь настоящее.*

Казахская пословица

ПОМНЮ СВОЕ ДЕТСТВО

В канун начала Великой Отечественной войны 1941 года, мне было около семи лет. Нашу семью война застала на джайлау, в местечке Коянды, что в восточной части Акмолы, недалеко от нынешнего села Коктал (прежде — совхоз им. Кирова). Жили мы, как и другие в ауле, в глинобитном доме. Стены его были сложены из дерна, плоская крыша представляла собой сложенные впритык друг к другу стволы молодых березок с листвою и замазанных с обеих сторон глиняным раствором.

Такие дома в ауле строили сообща и быстро. Обычно мужчины нарезали дерн, поднимали стены, затем сооружали крышу, а дети тем временем месили глину, женщины вслед замазывали этой глиной весь дом и изнутри, и снаружи, затем следовала побелка. Всего два-три дня и дом готов.

В летнюю жару в таких глинобитных домах стоит ровная прохлада, просто благодать. Чтобы не было блох, полы густо застилали полынью.

В метрах ста от нашего дома без окон, без дверей, без признака жизни стояли три-четыре дома, тоже глинобитные. От зноя, от укуса оводов и слепней в эти заброшенные дома часто забегали животные.

Помню, как в этих пустующих домах то там, то здесь валялись старые железные кровати, грязная посуда, рваные подушки, одеяла и всякая другая утварь. Взрослые в ауле стороной обходили эти дома. Лишь мы, пацаны, устраивали здесь свои бесконечные игры. В одном из этих домов мы нашли даже завернутый в тряпку наган.

Как-то я нашел там старей медный самовар с какими-то печатями на боку и приволок домой. В доме все накинулось на меня, стали ругать; получил и хороший треп. Пришлось мне с ревом ретироваться, прильнув к деду Таукелжи.

— Хватит Вам, чего это все набросились на него, — стал

успокаивать он моих родителей, — несмышлениш он еще, потому и притащил.

Причину такой реакции родителей я понял позже. Оказалось, что эти заброшенные, угрюмо зияющие пустыми глазами окон и дверей дома когда-то принадлежали аулу кипчаков Басибек и Хамзе. Во время конфискации у них отобрали весь скот, оставили ни с чем. И в 1932 году, когда всюду свирепствовал голод, похоже, все здесь вымерли.

Сейчас на выезде из Акмолы в Ерейментау с левой стороны можно увидеть большой могильный холм. Это и есть старинное родовое кладбище предков Басибек и Хамзе.

На этом кладбище по их завещанию были захоронены мой отец Аппас, младший брат Касен, брат отца Алтай. Здесь же покоится прах многих других мне близких по крови людей. Пусть Всевышний озарит светом их вечные покои...

Я абсолютно далек от мысли унижать достоинство других народов. Однако, когда вчитываюсь в слова великого вождя индийского народа Махатмы Ганди, что “Европа избрала путь не пророка Гайса (Иисус), а сатаны”, то невольно перед глазами встает образ Европейской цивилизации с ее чудовищными насилиями, разбоями, кровопролитными войнами...

У казахов есть поговорка “Бүлінгеннен бүлдіргі алма”, что примерно означает “Не бери дар от порочного”. Глубокая мысль, высокая нравственность заложены в этом изречении. Почему я это вспомнил?

Великая Отечественная война подходила к концу. А оттуда, с западной стороны, уже каждый день потоками шли всевозможные посылки. Это еще что? Приходилось видеть, как на железнодорожной станции встречали фронтовиков с целыми грудами вещей из Германии, которые еле размещали в парные брички. И что из этого? Кто-нибудь разбогател потом на награбленном добре из поверженной страны? Таких не помню. Зато помню тех, кто не позарился на чужое, возвращался без ничего, зато с чистой совестью, с открытым сердцем. Вот у таких-то впоследствии хорошо сложилась жизнь, их почитали, любили. Одним словом, они прожили свою жизнь с достоинством.

Оказывается, в те годы из побежденной Германии в Советский Союз были вывезены сотни заводов и фабрик. Что в итоге мы выиграли? Одурманенные от Великой победы (да, она досталась дорогой ценой), от приобретения, ска-

жем прямо, путем открытого грабежа уже тогда устаревшей немецкой технологии, мы даже не заметили, как отстали в своем развитии от других. А немцы, благодаря своей национальной особенности — высокой дисциплине, целеустремленности — за короткие сроки, вводя в строй новые производственные линии с новейшей технологией, быстро залечили свои раны. Сейчас они, посмеиваясь, смотрят на нас свысока. Всем поделом!

Вот в чем заключалась мудрость народа, предостерегавшая нас с малых лет, — “Не бери дар у порочного”.

Гляжу я сегодня на некоторых, так называемых “новых казахов” от бизнеса, начисто лишенных чувства национальной гордости, не знающих и не понимающих смысла национального самосознания, но зато щедро разбазаривающих в свое удовольствие те богатства, которые созданы трудом нескольких поколений, и я снова и снова вспоминаю эту народную мудрость. Принесут ли этим сытым, гладеньким “господам” счастья не им заработанные, а украденные у народа и приватизированные богатства? Сомневаюсь.

...Отца призвали в армию сразу же после начала войны. Запомнил, как его провожали. На станции весь эшелон был составлен из вагонов, приспособленных для перевозки скота, но теперь в них из досок скотили нары. И в вагонах, и около них толпы людей; много подвыпивших; кто-то играет на гармонии, кто-то на балалайке, мандолине, гитаре. Вокруг стоит невероятный шум и гам. Всюду под ногами разбросаны какие-то объедки, разбитая посуда. Плач, стон, прощальные крики женщин, провожающих своих сынов, мужей на войну...

Вдруг раздался протяжный свист паровоза и, громяхая на рельсах, эшелон стал медленно трогаться с места. Тут мне бросилась в глаза одиноко стоящая поодаль пожилая женщина. Она словно обезумела, стала рвать на себе платье, затем, запустив пальцы в свои седые, распущенные волосы, запричитала диким голосом. Я в испуге прижался к деду. Но, смотрю, ему сейчас также было нелегко. Долго смотрел вслед уходящему эшелону, губы его шептали какие-то молитвы, а по щекам катились слезы. Вскоре эшелон скрылся из виду.

Тяготы военного времени черной тучей начали сгущаться и у нас, в ауле. Дома лишь мама Калима (за красоту ее прозвали Жылтыр) осталась кормилицей — она работала дояркой. Дедушка Тауке, бабушка Балганым, младший брат

Касен и я, вчетвером, оказались на мамином иждивении. Она с раннего утра до поздней ночи находилась на работе.

В ауле из мужчин остались одни старики да малолетние пацаны. Вся тяжесть жизни легла на плечи наших матерей и старших сестер. Им, беднягам, три раза в день надо подоить коров, накормить, напоить телят, а зимой самим на санях доставлять корм из сеновала, рубить прорубь на озере, чтобы дважды в день напоить скот. Так — целый день.

После работы мама от усталости с трудом добиралась домой и валялась с ног. Иногда бабушка сама снимала с ее ног рваные чулки, штопала их и сама же надевала на ее ноги, а мама в это время спала и ничего этого не замечала. Чем дальше, тем становилось еще хуже. У мамы совсем прохудилась обувь. Дедушка из всякого лохмотья мастерил, как мог, что-то наподобие обуви, но ее хватало ненадолго.

Вскоре в совхозе открылся цех, где стали выпускать странную обувь, похожую по форме на низкие галоши, напоминающие лапти, у которых верх был брезентовый, а подошвы заменяли березовые дощечки. В ауле ее называли “шарке”. И в зимнее время наши матери, цокая и скользя по снегу, носили вот такую обувь. Летом, конечно, было легче: мы, ребятишки, бегали босиком, а старшие носили какие-то галоши, которые шили себе из шкуры павшей скотины. В войну всем выдавали хлебные карточки на месяц, и из центра совхоза каждый день привозили хлеб, выдавали его по этим карточкам. Хорошо помню этот липкий хлеб, напоминающий пластилин, которым сейчас пользуются наши дети. Но нужда — не тетка, а человек ко всему привыкает. Все же для нас, подрастающих малолеток, этого крохотного кусочка хлеба было очень мало. Нас постоянно мучил голод, и я с братом всегда просили у мамы дать чего-нибудь поесть. До сих пор не могу забыть при этом печальные глаза своей мамы, которая иногда нас “баловала” отрубями ячменя. Вот была у нас радость! Но откуда было знать нам, маленьким глупышам, как рисковала при этом наша мать. Это уже после мы узнали, что за какой-то килограмм зерна можно было “заработать” до десяти лет тюрьмы. Время было жестокое... Часто на корм скоту привозили жмых. Чтобы как-то “усмирить” постоянно сосущее внутри чувство голода, мы с большой опаской, но все же понемногу употребляли его в пищу. Было от чего опасаться. Стоило чуть переусердствовать с таким “меню”, жди беды: начинались мучительные запоры.

Тут мы с братом не могли обходиться без мамы, которая из нас в буквальном смысле слова выкорчевывала затвердевшие горошки.

Позже в хозяйство привезли людей из трудармии. Все они были люди пожилого возраста. И эти бедняги тоже испытывали на себе коварство жмыха. Ведь голод мучил не только нас, детей...

Мама с работы часто возвращалась поздно, вся почерневшая от усталости. Тут еще мы досаждали ее со слезами, упрашивая дать нам чего-нибудь поесть. Как-то она, не выдержав наши слезы, повернулась тут же и вышла из дома. Однако вернулась скоро и, высыпав из кармана горсть ячменных зерен, стала их жарить на сковородке. По дому пошел такой сладостный запах, что у нас потекли слюни. Но недолго пришлось нам радоваться. Мать почему-то высыпала зажаренные зерна на старую козлиную шкурку, давно валявшуюся у нас под ногами. Невольно из наших глаз брызнули слезы обиды, но делать было нечего, и мы с Касеном стали по одному собирать эти зерна.

Зимы в годы войны запомнились суровостью и обилием снега. Неделями в степи бушевали бураны. По ночам их заунывный вой, смешиваясь с протяжным воем голодных волков, создавал в нашем мальчишеском воображении жуткую картину, и мы в такие моменты долго не могли заснуть. Аульные собаки прятались где могли, но не всегда им удавалось спастись от волков.

Мне было годков десять. В одну из таких ночей я по надобности вышел из дома и пристроился около снежного завала, как вдруг наша собака, вышедшая следом за мной, с визгом бросилась назад. Успел лишь заметить, как другая, громадная собака, чуть не задев меня, кинулась за ней. С диким криком в испуге я бросился домой, а та громадная собака, повернувшись, пошла прочь.

Помню, как дед утром, вглядываясь в следы той собаки, которая ночью чуть не свалила меня, сказал, что это следы не собаки, а волка. Я весь задрожал от страха. Вот, оказывается, какую я ночью встретил "собаку".

От постоянных волчьих набегов у нас на весь аул осталась лишь одна, крупная, но худющая собака. Но вскоре и она пропала, все подумали, что ее тоже утащили волки. Как-то утром я вышел во двор и заметил знакомого старика-корейца, который, оглядываясь по сторонам, вышел из скотного двора и в нескольких шагах остановился, стал копать

в сугробе. Потом снял с пояса небольшой котелок и стал класть туда какие-то замерзшие внутренности животного, тут же вытащил за уши собачью голову. По ней я с ужасом узнал ту пропавшую собаку. А старик-кореец, довольный своей находкой, поспешил во двор соседнего дома. В нашем ауле тогда жили два пожилых корейца, которые появились у нас вместе с трудармейцами. Выходит, подумал я, одному из них досталась туша собаки, а этому лишь внутренности и голова. А может они все это ели вместе, кто знает.

Среди трудармейцев в ауле жил также пожилой узбек Каип. Многих представителей этого народа тогда не брали в армию из-за безграмотности и незнания русского языка. Даже своих неполноценных соотечественников узбеки не отдавали на пушечное мясо, как это с рвением делали мы. По рассказам Каипа, он, как и все, торговал фруктами на базаре в одном из населенных пунктов недалеко от Ташкента. Однажды их окружили вооруженные солдаты. Люди на базаре в панике бросились кто куда. Каип добежал до какой-то валявшейся на обочине дороги трубы и решил спрятаться там. На его беду, другой человек, бежавший следом, тоже решил залезть в эту самую трубу, но по пояс застрял там, его ноги оказались наружу. Солдаты, конечно, заметили торчащие из трубы ноги и вытащили их обоих. Затем вместе с другими пойманными погнали на станцию, там погрузили всех в вагоны для перевозки скота.

— Ехали мы на поезде долго, несколько дней и ночей, — рассказывал Каип-аксакал. — Куда везут и зачем везут, лишь одному Всевышнему известно. Уж который день не видели нормальной еды. Особенно мучались от жажды, как хотелось горячего чая, не передать словами.

Измученные, голодные они наконец доехали до Новосибирска. Здесь к ним в вагон зашел какой-то усатый военный и сказал, чтобы несколько человек сходили за кипятком.

— Плохо, когда не знаешь языка, — сокрушался Каип-аксакал. — Мы ведь толком не поняли, что сказал тот начальник. Подумали, что он разрешил нам всем сходить за кипятком, и тут же весь вагон высыпал на перрон. Но усатый военный, видимо, подумал, что мы задумали побег и, потрясая над головой наганом, заорал во всю глотку: “Назад! Назад!”. Мы в панике снова бросились в вагон и, ничего не понимая, что мы такое сделали, чтобы так разгневать начальника, попадали на пол. Лежим и боимся пошевелиться. Тут заходит в вагон наш усатый, глаза злые. Обвел нас, лежащих на полу, этим взглядом, процедив сквозь зубы:

“Бараны!” Но вдруг он разразился самой смачной бранью... на чистейшем узбекском языке. А ведь мог нам объяснить все по-человечески, да нет же...

Позже многих из этого эшелона отправили на Карагандинские шахты, некоторых — на фронт, а Каипа, наверное, учитывая его возраст, направили в наш аул работать скотником. Он прижился в наших краях, здесь выросли его дети, уехали они к себе на родину лишь в середине пятидесятых годов.

Два раза в неделю к нам из центральной усадьбы совхоза старый почтальон пешком доставлял почту. Вместе со всеми всегда его ждал и я, мальчишка восьми-девяти лет: авось какая весточка будет от отца. Никогда не забуду, как наши матери с трепетом, дрожащими пальцами вскрывали солдатские письма-треугольники. Читая письма, они то смеялись, то плакали.

Приходили с фронта и похоронки, прозванные в народе “қара қағаз” — “черная бумага”. Почтальон эти похоронки обычно тайком передавал самому старшему и уважаемому человеку в ауле. А тот к вечеру приглашал к себе домой всех взрослых, угощал их горячим кипяченым молоком, заранее доставленным по этому случаю из фермы. В ауле уже доподлинно знали, что за этим угощением кого-то ожидает страшная весть, поэтому все ожидали с напряжением.

Хозяин дома, почтенный аксакал, прежде, чем сообщить о похоронке, начинал издали, что, дескать, жизнь изменчива, всему воля Всевышнего и т.д. После вступления он называл имя человека, в чью семью пришла похоронка, выражая свое соболезнование. А дальше — плач, причитания, проклятия, глухие стоны, обмороки. Разве перескажешь то горестное состояние несчастных, получивших похоронки на своих сынов, мужей, братьев.

Эта душевная, нечеловеческая боль взрослых словно через невидимые, но живые ткани передавалась нам, мальчишкам. Оттого, наверное, появление в ауле старого почтальона каждый раз я воспринимал не так, чтобы враждебно, но с большой неприязнью.

Минуло много лет с той поры,
Когда горестные слезы душили меня,
Да, я вышел в люди сегодня,
Но память запечатлела навсегда
Проклятые годы войны*.

* Здесь и далес подстрочный перевод.

Я не поэт. Но эти, возможно, для кого-то весьма слабые поэтические строки очень точно отражают мои мальчишеские чувства в те далекие, грозные военные годы.

И взрослые, и мы, дети, измученные долгими месяцами холодной, голодной зимы, с великим нетерпением ждали наступления лета. Все-таки жизнь на джайлау не сравнить ни с чем. Целыми днями можно носиться босиком, не боясь простуды, а в болотах, расставив силки, ловить уток. Здесь же в болотных местах всегда полно всяких птичьих яиц. Можешь вдоволь полакомиться ягодами, земляникой. Знали, голодать как зимой, не придется.

Вот что значит лето!

Нынче дети идут в школу с шести лет. А я переступил порог школы только в девять лет. Так засиделся дома лишь потому, что в школу ходить было не в чем.

В 1943 году после тяжелого ранения с фронта на костылях вернулся отец. И в том же году, осенью я пошел в первый класс. Ни букваря, ни других учебников не было. Было плохо и с тетрадами, ручками, чернилами.

В классе нас было всего семь человек, четверо из них учились в первом классе, двое — во втором. А в четвертом была одна единственная ученица — Зейнеп. Она в то время была уже взрослой девушкой. Наша учительница Абдушкурова в поддержании порядка в классе целиком доверяла ей. А Зейнеп, конечно, старалась, держала нас в ежовых рукавицах. Самое интересное, она каждый год приходила учиться в один и тот же класс — четвертый. Потому что в совхозе других старших казахских классов попросту не было. Учительница особо не досаждала Зейнеп вопросами, зная, что, каждый год садясь за парту четвертого класса, она наверняка вызубрила все наизусть.

На уроках Зейнеп вела себя свободно, сидела и прихорашивалась, расплетала и заплетала свои тугие косы, долго рассматривала себя в маленькое зеркальце, будто искала там что-то такое, заветное. Как-то, помню, случился казус. То ли она забыла где находится, то ли еще что, она так громко воскликнула: “Увидела, увидела!”, что мы, испугавшись, повскакивали с мест. Кого она увидела в зеркальце, откуда было знать нам, малышам. Но, вскоре после этого события мы узнали, что Зейнеп сбежала замуж. Вот мы радовались! Теперь в классе некому было постоянно нас поучать, воспитывать. Оказалось, Зейнеп сбежала замуж за солдата, вернувшегося с войны по ранению. Звали его — Шербак. Сча-

стливо сложилась судьба нашей Зейнеп. Она стала матерью восьмерых детей. Муж Шербак хорошо относился к жене.

Много позже судьба свела меня с одним хорошим человеком — Трофимом Михайловичем Паком. Наша с ним дружба продолжалась многие годы. По его рассказам я узнал, что в годы войны власть не доверяла корейцам, их призывали не в действующую армию, а только в трудовую.

— Нас всех, — рассказывал Трофим, — отправили на север, на сплав леса. Целыми днями, стоя по пояс в воде, сплавляли по реке бревна, сражаясь с заторами. Очень тяжело приходилось осенью: от холодной воды по всему телу бегали мурашки. Кормежка была — одно лишь название. От тяжелой работы, от холода тайги, от постоянного недоедания в скором времени от нас остались одни скелеты. Почти все страдали от почечной болезни. Смерть начала косить особенно более или менее здоровых ребят; живучими оказались мы, худощавые. Вырваться из этого ада было невозможно. Вокруг на сотни километров растянулась хмурая, холодная тайга.

Однажды мы сплавляли лес вблизи какого-то большого села. Нас было всего четыре или пять человек. Уже к вечеру, качаясь от усталости за целый день работы в холодной речной воде, мы выползли на берег, разожгли костер и стали сушиться. Тут со стороны села к нам стали подходить женщины. Они принесли с собой картошки, сваренной в “мундире”, и стали нас угощать, ласково приговаривая: “Миленькие, ешьте, ешьте!”. Столько доброты, ласки, не грех бы и поплакать. И еще, как мне тогда подумалось, эти еще не совсем старые и молодые женщины просто истосковались по мужской среде: в селе, как они рассказывали, все мужчины были на фронте, остались одни бабы да старики. Но какой был прок от нас, хоть и были мы мужчинами, но больше напоминали живые трупы, обтянутые кожей. До сих пор не могу забыть тех ласковых, сердечных женщин, их печальные, тоскливые глаза.

Слушая Трофима Михайловича, я невольно вспоминал свой родной аул тех лет. Да, зловещее дыхание войны доставало всех и везде одинаково...

Деду моему перевалило уже за восемьдесят, когда однажды он зачем-то пришел в школу и до конца урока просидел с нами. Казахские классы у нас были до четвертого. Школа была семилетней с обучением на русском языке. Как увидели моего деда дети из русских классов, так и загалдели

на всю школу: “Жамбыл пришел, Жамбыл!” И правда, в своем просторном чапане с бориком, роскошной бородой он чем-то был похож на Жамбыла, которого мы знали по портрету из учебников. Я помню, как про себя даже гордился этим.

Летом в ауле всех — и людей, и скот сильно досаждали комары. Особенно они надоедали вечерами, тучами носясь по воздуху, готовые в любую секунду ринуться на человека, на котором практически не было одежды.

Спасались от них дымом. Мы, мальчишки, находили где-нибудь пустые консервные банки, часто протыкали их гвоздями, привязывали к банкам проволоку, затем набивали их сухим кизяком и поджигали. Получались “снаряды”, чадающие едким дымом, отчаянно крутя ими над головой, мы носились вовсю. Издалека представлялась интересная картина — каждый полуголый мальчишка был окутан густым дымом. А взрослые то там, то здесь разжигали костры со стороны, откуда дул ветер. Под такой дымовой завесой ночью спокойно вели себя и домашние животные.

Все лето мы, пацаны, бегали босиком — обувь было нечего. К осени подошвы наших ног так грубели, что мы не боялись ни занозы, ни острых камней. Врача в наших краях не было. Если кто-то заболел простудой или еще чем-нибудь, то дед выводил его на закате солнца на улицу, сажал лицом на восток и неторопливо начинал читать свои молитвы, при этом брызгал на голое тело холодную воду. Подобный “душ”, естественно, был не из приятных, но, что удивительно, нередко такое “лечение” шло на пользу.

Весть о том, что война закончилась, что мы победили, мгновенно облетела весь аул. В то памятное утро моя бабушка открыла свой “музыкальный” сундук (каждый раз при открытии этот сундук издавал какой-то скрипуче-мелодичный звук) и достала оттуда свой белоснежный кимешек* и в нем пошла к соседям со словами “сүйінші”, поздравляя всех с окончанием войны. Поздравления, смех, слезы, — все перемешалось в этот день.

Все три сына у бабушки были дома, но она в тот день с другими пролила немало слез. Тесно прижимаясь к ней, всхлипывал и я, сам еще толком не понимая, почему плачет бабушка.

Насколько помнил себя, у нас в ауле не резали скот. Но в честь победы, видимо, было разрешение высоких начальников: на берегу озера зарезали большую корову. И

* Кимешек — национальный головной убор женщин.

вскоре, чего не было давно, во многих домах задымили печные трубы — люди начали варить настоящее свежее мясо. Они до поздней ночи ходили друг к другу, посещали дом за домом, радовались, смеялись и оплакивали тех, кто погиб на войне.

Мне исполнилось 12 лет. В феврале 1946 года родился младший брат Кали. Родители по мере своих возможностей устроили той. Из кормовой свеклы, добавляя туда еще что-то, приготовили брагу, отец раздобыл немного мяса. В гости пришли самые близкие люди. Не часто приходилось им вот так беззаботно сидеть за одним столом. Всем было весело, много шутили, смеялись, рассказывали разные истории. Среди гостей находился фронтовик Кусаинов Каппас, вернувшийся с войны после ранений. В разгар веселья решил спеть. Все, конечно, его поддержали.

— Думаю, не найдется среди вас, кто бы потом донес на меня, — сказал он, чуть нахмурившись. — Сакен Сейфуллин,.. гордость нашего народа,.. пострадал безвинно... — Голос Каппаса-агай чуть задрожал, но он тут же продолжил, — давайте я спою вам в память о Сакене его песню.

В тот вечер я впервые услышал само имя Сакена и его песню “Тау ішінде” (“В горах”). Песня звучала мелодично, но как-то грустно. Гости за столом притихли, будто чего-то испугались. Потом я долго вспоминал этот вечер, почему-то подсознательно боялся за Каппаса-агай. Он был коммунистом. А причина бояться была. В нашем ауле жил некто Боранбай, самодур из самодуров, забияка. В пьяном угаре он частенько бахвалялся, как в голодные годы отбирал у людей последнее, что у них было, и несчастных пускал по миру. Сам он был безграмотным, но при себе держал писаря. С его помощью стряпал доносы на многих уважаемых людей, некоторые из них после так и не смогли оправдаться от клеветы и бесследно исчезали в застенках НКВД. Меня, уже взрослого мальчишку, все это пугало еще потому, что люди из этого органа время от времени устраивали допросы деду, которому было тогда за восемьдесят лет. Вся его “вина”, оказывается, заключалась в том, что он когда-то совершил хадж (паломничество) в Мекку.

Каппас-агай жив и поныне. Живет недалеко, в совхозе им. Кирова. Ему перевалило за девяносто. Он — всеми уважаемый аксакал, человек с большим сердцем. При каждом случае считаю своим долгом посетить его дом, повидаться, поговорить со старцем, выразить к нему свое почтение.

Прости меня, мой читатель, за некоторый сумбур в моем повествовании. Правда, иногда отдельные штрихи, события из далекого детства, отроческих лет так и теснятся в памяти, что трудно их “складывать” в строгую цепочку. Скажем, могу ли я забыть о тяжелых переживаниях отца в годы войны и после. Его в 1943 году приняли кандидатом в члены партии. Событие, конечно, неординарное. Но для отца впоследствии оно обернулось одними переживаниями. Целых четырнадцать лет пришлось ему ходить в кандидатах. Абсурд? Да. Но почему? Да все потому, что отец его был хаджи. Ведь могли отца просто исключить из кандидата, да нет же: и не исключают, и не принимают в членство. Очень сомневаюсь, что такое положение тогда предусматривалось в уставе партии.

А что касается моего деда, то ему просто “чудом” удалось спастись от репрессий. Случилось так, что “белые”, отступая от натиска “красных” все дальше на восток, однажды вышли прямо на наш аул. Их взмысленные лошади еле держались на ногах. “Беляки”, собрав всех жителей аула, потребовали, чтобы им сменили лошадей. В противном случае, предупредили они, всех мужчин расстреляют. Но в ауле лошадей не оказалось, их до этого отогнали далеко, в местечко “Жаксы коң”. “Беляки” тут пришли в ярость и, построив всех мужчин аула в ряд, тут же расстреляли каждого второго, а остальных забрали с собой и бросили в Акмолинскую тюрьму. Среди них оказался и мой дед.

Сколько дней они просидели в тюрьме, не знаю, но однажды, узнав, что в город наступают “красные”, “беляки” в спешке покинули город. Так “красные” освободили всех заключенных в тюрьме. Многие тут же разбежались кто куда. Мой же дед почему-то не торопился и просил начальника “красных” выдать ему бумагу, что он сидел в тюрьме “белых”. Такую бумагу ему дали. Уже позже, когда его настоятельные братья Оспан, Омар, Сарсекей и другие близкие попали под конфискацию и были высланы из родных мест, деда моего только благодаря тому документу, выданному ему командиром “красных”, оставили в покое. Сей “талисман” дед хранил в своем потрепанном бумажнике до конца своей жизни. В возрасте 96 лет он скончался в 1956 году.

Если скажу, что подобные унижения пережили десятки, сотни, а то и тысячи семей того времени, я, наверно, особо не погрешу против истины.

Тем не менее, жизнь после войны постепенно налаживалась. Особенно это можно было заметить в начале пятиде-

сятых годов. У нас в ауле почти в каждом доме, хоть и понемногу, появилась мука. Варили тесто, пусть даже на воде, но зато их потом заливали домашним топленным маслом, и получалась очень вкусная еда. По праздникам, семейным торжествам нас, мальчишек, щедро угощали таким тестом. Правда, по застенчивости я частенько возвращался домой ни с чем и с порога просил маму дать чего-нибудь поесть. Наверное, поэтому в ауле меня прозвали “Бөкпен”, что примерно означает “стеснительный”. Правду сказать, я не любил бегать по дворам в ожидании, что кто-то угостит меня этим вкусным тестом.

После войны и у нас во дворе появилась корова. Но налоги на скот были непомерно высокими. Как-то я проснулся глубокой ночью и слышу, как в темноте тихо переговариваются отец и мама.

“Налоги скоро совсем задавят. Что делать? Продать что ли корову. Столько мяса, масла надо сдавать, так себе ничего не остается”. Под конец из разговора родителей понял лишь одно: они все-таки решили остаться с коровой, проживем, дескать, там видно будет. А я про себя обрадовался тому, что маленький теленок, за которым любовно ухаживал, останется дома. Это меня успокоило и, повернувшись на другой бок, я быстро заснул.

В совхозе, как я уже говорил, было всего четыре казахских класса. Поэтому продолжать учебу пришлось в Акмолле. Меня приняли в пятый класс Акмолинской мужской школы № 2 (это сейчас за Парламентским зданием). С учебниками и тут было плохо, по некоторым предметам их вообще не оказалось. Поэтому мы старались лучше запоминать учителей, отдельные трудные моменты записывали в тетрадь. Хотя и было далеко от города, но почти каждую субботу после занятий я пешком отправлялся домой, в аул.

В школе нам на выходные дни часто давали задания — выучить стихи. За этим дома бабушка Балганым следила строго. Она поднимала меня с постели очень рано, заставляя по несколько раз перечитывать стихи, пока я не заучивал их наизусть. Только после этого я снова ложился спать.

Мне уже исполнилось 13 лет. Насколько сейчас помню себя, ни тогда, ни позже меня не тянули разного рода игры, забавы, не до того было. Видел, как трудно приходилось родителям, и старался по мере сил помогать им во всем. Каждое лето на каникулах пас коров, а еще по очереди надо было выходить на ночные дежурства — сторожили овец от волков.